

ты выходишь из череды замученных бытом и богом комнат,
по воде вроде ясно как, пора научиться по суше:
борт-инженер твоего рейса — абсолютный покойник,
и, прощаясь с землей,
выключайте газ, телефон и душу.

в особо жестоких странах нас пришилият на белый танец
и будут смотреть, как, сомкнувшись,
наши руки превращаются в дым
но штурман этого рейса — абсолютный Летучий Голландец,
и фрегат продолжает лететь,
вообще не касаясь воды.

и я — сумма религий мира, обвиняемых в пораженщине,
где любая способность любить выглядит неуместно —
в особо жестоких странах расстрелом командуют женщины,
но это хотя бы честно

*собери секунды по тем мелочам, от которых кровь
стынет в жилах,
настоящей свободы нам всем раздадут под безум-
ный процент;
и на кем-то придуманный час мы останемся “все
еще живы”,
хотя чаще и чаще ты говоришь,
что это слишком банальная цель.*

не уверен,
что стоит

ты несешь какую-то чушь, что тебя рекрутируют в ангелы, и
бог опять не дошел по воде, обесцветился и простыл:
в особо жестоких странах тебя выменяют на евангелие,
только нас будет тошнить
от его пасторальных святых.

перемалываю прошлое по мелочам нефрахтованными молитва-
ми,

ты выходишь из череды комнат, тобою забытых заново,
весь экипаж твоего рейса стоит в очереди за полулитрами
и срочно требует поднять занавес,
срочно требует поднять занавес!

но я — сумма религий мира, обвиняемых в пораженщине,
где любая способность любить выглядит неуместно —
в особо жестоких странах расстрелом командуют женщины,
но это хотя бы честно. . .

честно.